

УДК 130.2:[004.383.8+004.738.5]:101.1:316

Карпенко В. Е.

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ПАССИОНАРНОСТИ В ТЕХНОИНТЕЛЛЕКТУАЛИЗИРОВАННОЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ

В статье через призму понятия ментальности раскрываются особенности проявления пассионарности в техноинтеллектуализированной социокультурной среде. В целом техноинтеллектогенная социокультурная среда определяется как амбивалентная, предоставляющая новые возможности как для проявлений пассионарности, так и непассионарности. При этом уровень пассионарного напряжения обеспечивает преимущественное распространение в социокультурной среде тех или иных тенденций техноинтеллектуализации. Таким образом, проявляется существенная взаимосвязь ментальности и социокультурной среды в условиях техноинтеллектуализации антропосферы.

Ключевые слова: техноинтеллект, искусственный интеллект, пассионарность, ментальность, социокультурная среда.

У статті крізь призму поняття ментальності розкриваються особливості прояву пасіонарності в техноінтелектуалізованому соціокультурному середовищі. В цілому техноінтелектогенне соціокультурне середовище визначається як амбівалентне, що надає нові можливості як для проявів пасіонарності, так і непасіонарності. При цьому рівень пасіонарної напруги забезпечує переважне поширення в соціокультурному середовищі тих чи інших тенденцій техноінтелектуалізації. Таким чином, виявляється істотний взаємозв'язок ментальності та соціокультурного середовища в умовах техноінтелектуалізації антропосфери.

Ключові слова: техноінтеллект, штучний інтелект, пасіонарність, ментальність, соціокультурне середовище.

In the article, through the prism of the concept of mentality, the features of the manifestation of passionarity in a technointellectualized sociocultural environment are revealed. In general, the technointellectual sociocultural environment is defined as ambivalent, providing new opportunities for both passionarity and nonpassionarity. At the same time, the level of passionary tension ensures the prevalence in the sociocultural environment of certain trends in technointellectualization. Thus, there is a significant interrelation of mentality and sociocultural environment in the conditions of technointellectualization of the anthroposphere.

Key words: technointelligence, artificial intelligence, passionarity, mentality, sociocultural environment.

Углубление всесторонней компьютеризации социокультурной среды (в том числе в самых неожиданных областях [см., напр.: 13]), выполнение *техническими* устройствами функций, традиционно ассоциируемых со сферой *интеллектуальной* деятельности человека, можно обобщенно охарактеризовать, используя метафору *техноинтеллекта*, как процесс тотальной техноинтеллектуализации. Исследователи обращаются в этом контексте к целому ряду вопросов. Философско-теоретические исследования различных аспектов проекта «искусственный интеллект» среди прочих представлены именами Н. М. Амосова, А. Н. Колмогорова, Н. Бострома, М. Л. Мински, Р. Пенроуза, А. Тьюринга. Философско-теоретические наработки в области компьютерной виртуальной реальности – это прежде всего Дж. З. Ланье, М. Хоффман, Н. А. Носов, А. Е. Войскунский, Е. Е. Таратута, Д. Б. Свириденко. Идея информационного общества прослеживается в научном творчестве Й. Масуды, Д. Нейсбита, Ф. Уэбстера, М. Кастельса, Э. Г. Соловьева, Л. З. Карвалича и др. В этом контексте следует вспомнить и об идее постиндустриального общества (Д. Белл, Э. Тоффлер). При этом идея общества знаний прослеживается в работах П. Ф. Дракера, Э. Агацци, Ф. Ривьер, В. А. Колпакова, В. Оноприенко, М. И. Орлова и др.

Возможности слияния компьютерной виртуальности и повседневной реальности, понятие Интернета «умных» вещей (хотя и не у всех авторов с использованием именно последнего термина) – это в первую очередь К. Эштон, Д. Эванс, А. Волков, Д. Харди, М. Д. Вайзер, Э. К. Дрекслер. Влияние техноинтеллектуализации на научный дискурс, науку – Д. Хелбинг, К. Ленгтон, Ю. В. Сачков, В. С. Лукьянец, Е. Ю. Журавлева, С. В. Сумченко и др.

Философско-теоретические проблемы применения средств техноинтеллекта в образовании – это в том числе М. Шпитцер, Г. В. Майер, А. В. Подлазов, Г. Г. Малинецкий, И. А. Брижатая, Е. А. Наумкина. Однако одним из малоизученных *актуальных* аспектов в этом контексте остается соотношение техноинтеллектуализации и пассионарности.

Понятие пассионарности Л. Н. Гумилева было включено в систему современных исследований в структурном подходе к определению ментальности у Р. А. Додонова. Исследуя структуру ментальности, Р. А. Додонов выделяет такие ее уровни: во-первых, «количество психо-эмоционально-умственной энергии», которую необходимо затратить субъекту для определенной деятельности; во-вторых, бессознательное; и в-третьих, мыслительный уровень, в который входят только «... те моменты мышления, которые не вызывают сомнений, подкреплены убеждениями, многократно апробированы, доведены до автоматизма» [4] (можно назвать их кратко соответственно энергетический, бессознательный и мыслительный).

На первый взгляд энергетический уровень ментальности подлежит только количественной оценке (к тому же, теоретически обоснованной единицы измерения такого количества в литературе не находим, хотя метафора энергии и употреблялась в аналогичных контекстах целым рядом известных исследователей [см. напр.: 7, с. 18; 11, с. 127]). Тем не менее, если соотнести такое «количество» и соответствующие ему направленности мыслительной и практической деятельности отдельных индивидуумов и человеческих сообществ, понимаем, что на самом деле положение вещей здесь можно охарактеризовать словами Г. В. Ф. Гегеля: «... возникает такая точка этого изменения количественного, в которой изменяется качество, определенное количество оказывается специфицирующим, так что измененное количественное отношение превращается в некоторую меру и тем самым в новое качество, в новое нечто» [2, с. 463]. Как раз этот процесс, а также энергетический уровень ментальности в целом оказываются наиболее полно освещены в концепции Л. Н. Гумилева.

Соответственно, *цель* статьи – раскрыть особенности проявления пассионарности в техноинтеллектуализированной социокультурной среде через призму понятия ментальности.

Философско-историческую концепцию Л. Н. Гумилева характеризуют как подчеркнута неакадемическую по способу изложения, значительную, прежде всего, в качестве радикальной постановки проблемы наработки нового понимания истории, которое вводит последнюю в контекст глобальных природных процессов [8, с. 260]. Идеи этого мыслителя широко отражены в дальнейшем развитии философской мысли. Например, они прямо перекликаются с «Картезианскими размышлениями» М. К. Мамардашвили: «сознание как страсть собирает и преобразовывает субъекта», «это преобразование, как известно, требует силы», а отсюда – сознание предстает «как страстная или пассионарная сила» [5, с. 197–198]. В свою очередь (другой пример) А. С. Шохов упоминает «... согласование колебаний пассионарного поля разных индивидов...» [10, с. 18], осуществляя философско-теоретический анализ структуры ментального мира классической Греции.

Когда Л. Н. Гумилев говорит об энергетическом наполнении этнических систем (которые у него толкуются предельно широко, поскольку термином «этнос» он обозначает народ, народность, нацию, племя, родовой союз), мыслитель ставит в центр своей концепции непреодолимое внутреннее стремление «... к целенаправленной деятельности, всегда связанной с изменением окружения, общественного или природного, причем достижение намеченной цели, часто иллюзорной или губительной для самого субъекта, представляется ему ценнее даже собственной жизни». Выделяя упомянутое стремление среди других импульсов поведения (в отличие от данного, исследованных психологией), философ отмечает, в частности, что оно может быть связано «... как с повышенными способностями (талант), так и со средними...» [3, с. 355–356]. Обсуждаемый признак он трактует как генетический (порожденный микромутацией) и обозначает термином пассионарность (от латинского *passio* – страсть), исключая из его содержания животные инстинкты, которые стимулируют эгоистичное поведение, а также психические болезни.

Пассионарность как стихийное явление может быть не только организовано той или иной этнической доминантой, но и потратиться на противоречивые начинания [3, с. 368–369], что в свою очередь зависит в большой степени от двух других уровней ментальности членов человеческой общности. Тем не менее непременным условием осуществления сообществом фундаментальных свершений тут предстает достижение определенного уровня «пассионарного

напряжения», когда направленность жизнедеятельности индивида (сообщества) как раз и переходит в новое качество. Колебания такого напряжения, отраженные в творчестве Л. Н. Гумилева, О. Шпенглера и в других аналогичных концепциях, мы понимаем как циклы энергетического уровня ментальности. Зона минимумов цикла энергетического уровня ментальности проявляется в пассивно-созерцательном отношении к действительности, в то время как максимумы тяготеют к активно-преобразовательному.

Для характеристики градации между упомянутыми минимумами и максимумами можно воспользоваться словами В. Шекспира в лице его героя Жака: «... Мир – театр; В нем женщины, мужчины, все – актеры...» [9], добавляя, что конкретные люди требуют для себя различной по размеру (и здесь не важно реальной или воображаемой) «аудитории». Рядовой солдат, который отождествляет себя в определенном смысле с успехами и неудачами государства, в этом контексте является большим пассионарием, чем сановник, эгоизм которого не выходит за пределы собственной личности, и для которого важно лишь мнение о нем ближайшего руководства. В истории зона минимумов цикла чаще всего оказывалась роковой для соответствующей человеческой общности и сопровождалась исчезновением или ассимиляцией ее представителей в условиях открытости для взаимодействия с другими человеческими общностями (сообществами). Однако ничего не указывает на теоретическую невозможность выживания человеческой общности и в определенном смысле повторения максимумов цикла.

Техноинтеллектуализированная социокультурная среда через призму энергетического уровня ментальности, выполнения им пассионарной функции, выявляет в этом аспекте свое качественное своеобразие. С **одной** стороны, пассионарный путь личности в ряде контекстов облегчился. Например, использование компьютерных социальных сетей для пассионарной индукции. Одновременно следует вспомнить об относительной анонимности современного Интернета. Разумеется, специальные службы государств имеют большие возможности для деанонимизации нужных им субъектов коммуникации. Однако в случае массовых движений нет возможности проследить персонально за каждым на таком «продвинутом» уровне. Угроза идет здесь скорее от рядовых оппонентов по противостоянию, и как раз для обеспечения защиты от них предлагаемой Интернетом анонимности может быть достаточно.

Так, на сайте (веб-сайте, интернет-сайте), который служит анонимайзером, пользователь задает нужный интернет-адрес, на который далее выходит от имени сетевого адреса анонимайзера, а не своего. Таким образом можно скрыть, между прочим, и страну своего происхождения. Также анонимайзеры используются для доступа к сайтам, запрещенным в конкретном сегменте Интернета: при необходимости анонимайзером, как посредником, не будет показан местному интернет-провайдеру (поставщику) настоящий интернет-адрес, к которому обращается пользователь. Однако анонимность анонимайзеров, конечно, относительна: никто не может застраховать от того, что анонимайзер, услугами которого некто пользуется, не передает собранную информацию специальным службам того или иного государства. И тем более, что здесь, если дойдет до массовой проверки, уже не нужна перлюстрация интернет-истории великого множества пользователей, но только тех, кто специально хотел остаться неузнанным, а значит имел для этого соответствующую мотивацию. Правда, услуги анонимайзеров предлагаются на сайтах разных стран, поэтому можно выбрать себе анонимайзер «на свой вкус». Но в любом случае использование анонимайзера уже само по себе теоретически способно привлечь к человеку внимание со стороны его местного интернет-провайдера (одно из благоприятствующих этому условий – наличие где-либо малой пропорциональной доли пользователей, использующих анонимайзеры). А в придачу существуют специальные средства перехвата интернет-трафика (передаваемой информации). Однако и упомянутые анонимайзеры не одиноки, разрабатываются и другие средства анонимизации.

С **другой** стороны, в противовес новым возможностям для проявлений пассионарности, *нон*пассионарность (от латинского «non» – не, «passio» – страдание, страсть) субпассионариев (от латинского «sub» – под) получила беспрецедентные возможности. В частности, распространилась *субкультура* хикикомори (с японского «те, которые никогда не покидают свой дом»), основанная на избегании с помощью Интернета «живого» общения. По И. С. Тихоцкой, «несомненно, что, так или иначе, это проявление психических отклонений» [6, с. 459]. Различные исследования называют цифры до одного миллиона человек

только в Японии, что приближается к одному проценту от общего количества ее населения. Наиболее острые случаи (изоляция себя в отдельной комнате в течение более шести месяцев без систематического образования или заработка денег даже через Интернет) оцениваются министерством здравоохранения Японии в пятьдесят тысяч человек [1, с. 15–16]. Возраст старших хикикомори, которые начинали самоизоляцию, когда Интернет еще только приобретал современную привлекательность, превысил 40 лет [12].

Однако это, конечно, не чисто японское явление, а, возможно, скорее один из вариантов, признаков аттрактора развитой техноинтеллектуализированной культуры как целого. Так, в Великобритании их обозначают термином NEET, то есть Not in Employment, Education or Training (не привлечен к работе, учебе или тренировке). В США их называют basement dwellers (жители подвалов). Большинство хикикомори – мужского пола, что прямо наталкивает на необходимость социологических, психологических и подобных исследований проблем в проявлении маскулинности в техноинтеллектуализирующемся обществе. Тем не менее, асоциальность хикикомори не следует преувеличивать, асоциальность во внешнем «внекомпьютерном» мире они отчасти компенсируют в компьютерной виртуальной реальности; как правило их референтные группы малозаметные, поскольку они дистантные [см. напр.: 1, с. 11], но все же эти группы существуют, а состоят они из подобных завсегдаев Интернета.

Распространению выражения минимумов «энергетического» уровня ментальности в форме субкультуры хикикомори послужило, **во-первых**, виртуальное общение как заменитель «живого». Доступной является не только текстовая, но и аудио и видео (веб-камеры) интернет-коммуникация. В этом же контексте следует рассматривать возможность быть в реальном времени пассивным неизвестным свидетелем чужой коммуникации на интернет-форумах и т. п.: такой статус тоже служит эрзацем «живой» коммуникации, поскольку хикикомори осознает возможность в любой момент вмешаться в интернет-коммуникацию, которая перед ним / ней разворачивается.

Во-вторых, возможность дистанционного трудоустройства, которое бы совсем не предусматривало выход из дома: администрирование сайтов, программирование, перевод, редактирование и корректорская правка текстов, написание статей и других авторских текстов на основе материалов Интернет и собственного воображения, рерайтинг (лексическое и структурное изменение, пересказ нужных чужих оригинальных текстов для избежания обвинений в нарушении авторского права), рекламные интернет-акции, участие в коммерческих анкетированиях и т. д., а среди нелегальных видов заработка вспомним продажу учетных записей и подобной «собственности» в популярных компьютерных играх за реальные деньги (хотя иногда последнее начинает приобретать легальный характер – например в Second Life, сочетании интегративной компьютерной игры, социальной сети, модулятора реальностей с возможностью как конвертировать реальные деньги в виртуальные, так и наоборот, зарабатывать в ходе «игровых» действий виртуальные деньги и конвертировать их в реальные). Все это сужает круг «живого» общения.

В-третьих, уже упомянутая анонимность Интернета проявила свой амбивалентный характер: возможность создания множества alter ego (с латыни «другой / второе я») в Интернете, которые (которое) будто наверстывают то, чего человеку не хватает в реальности. Первое впечатление о такой виртуальной личности, которое существенно влияет на оценку другими получаемой далее информации, задают никнейм и аватар. В никнейм (ник, прозвище в Интернете, на английском nickname) много информации не вложить, однако определенную направленность дальнейшему отношению к себе задать можно. Вот примеры реальных никнеймов из международной интернет-игры Tribal Wars (с английского «Война племен»): «Король gadomir», «Лорд Prosto», «AllahuAkbar» (с арабского «Аллах – величайший»), «Awwful» (с английского «ужасный»), «lucifer777» (на английском Lucifer – «Люцифер»). Этот процесс присущ различным сферам, например, разработчик программы-конвертера FB2EPUB, с помощью которой создаются электронные файлы книг, выступает не под оригинальной фамилией, а под никнеймом-псевдонимом «Lord [курсив наш. – В. К.] KiRon».

Аватара (аватар, ава) предназначена для первого знакомства с носителем никнейма и может быть как двухмерным изображением (фото, рисунком), так и коротким видео файлом. Часто аватары сопровождаются текстом. В контексте функций аватары интересна

этимологическая информация: слово «аватара» означает в индуизме воплощение-проявление божества в форме смертного существа (не обязательно человека). Как никнеймы, так и аватары часто несут информацию, обратную реальному положению вещей не только в мелочах, это может быть, например, провозглашение другого возраста и квалификационного уровня с целью «авторитетного» участия в дискуссии.

В-четвертых, общая привлекательность интернет-досуга находится на беспрецедентно высоком уровне. Здесь можно не только читать книги, но и давать советы авторам на специальных сайтах в ходе их написания. Можно не просто слушать музыку или смотреть видео, но и создавать свое с помощью специальных достаточно простых в использовании программ (например, VirtualDub для видео или Sound Forge для аудио). Многопользовательские компьютерные игры (иногда для компьютерных игр используется термин «видеоигра») собирают геймеров (игроков) из самых отдаленных уголков земного шара. Тематические сайты, форумы дают возможность общения сторонникам самых разнообразных хобби, у которых не всегда есть территориально близкие «коллеги».

В-пятых, техноинтеллектуализирующееся общество как целое с готовностью «идет навстречу» субкультуре хикикомори. Низкая рождаемость – количество стран в мире с суммарным коэффициентом рождаемости менее двух детей на одну женщину составляет около ста [14] – позволяет многим родителям (разумеется, это зависит от уровня материального благосостояния в конкретной стране) поддерживать единственного взрослого «ребенка» (между прочим, на довольно высоком уровне) финансово, даже если тот не зарабатывает прожиточного минимума через Интернет (или не зарабатывает вовсе). Тем более что у «ребенка» нет собственных детей. Со смертью родителей в распоряжении хикикомори может оказаться лишняя недвижимость, продажа которой облегчает продолжение старого образа жизни. Не говоря уже о таких мелочах, как службы доставки всего чего угодно домой и тому подобное.

Таким образом, мы приходим к *выводу* о том, что в целом техноинтеллектуогенная социокультурная среда оказывается амбивалентной: она предоставляет новые возможности для проявлений как пассионарности, так и непассионарности. При этом уровень пассионарного напряжения обеспечивает преимущественное распространение в социокультурной среде тех или иных тенденций техноинтеллектуализации. Итак, проявляется существенная взаимосвязь ментальности и социокультурной среды в условиях техноинтеллектуализации антропосферы. Понятие пассионарности помогает здесь вскрыть в новом ракурсе подоплеку ряда процессов техноинтеллектуализации, раскрыть взаимоотношение техноинтеллектуогенных и внетехноинтеллектуогенных факторов изменения культуры. Однако в структуре ментальности энергетический уровень следует классифицировать и как фактор, влияющий на другие уровни ментальности, особенности мышления, которые заслуживают дальнейших исследований в контексте техноинтеллектуализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Войскунский А. Е. Киберпсихология об опасностях в информационном и постинформационном обществе : [электронный ресурс] / А. Е. Войскунский // Круглый стол «Психологические аспекты информационной безопасности». – СПб. : Infobez-Expo, 2013. – 60 с. – Режим доступа : http://infobez-expo.ru/netcat_files/userfiles/17/presentation%202013/VOYSKUNSKIY.pdf.
2. Гегель Г. В. Ф. Наука логики : [в 3-х т. ; т. 3] / Георг Вильгельм Фридрих Гегель ; [пер. с нем., отв. ред. М. М. Розенталя]. – М. : Мысль, 1970. – 501 с. – (Философское наследие).
3. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли / Лев Николаевич Гумилев. – М. : Эксмо, 2007. – 736 с. – (Антология мысли).
4. Додонов Р. А. Этническая ментальность: опыт социально-философского исследования / Р. А. Додонов. – Запорожье : РА «Тандем-У», 1998. – 205 с.
5. Мамардашвили М. К. Картезианские размышления / Мераб Константинович Мамардашвили. – М. : Прогресс ; Культура, 1993. – 352 с.
6. Тихоцкая И. С. Изменения в жизненном цикле японцев и место молодёжи в современном обществе / И. С. Тихоцкая // *Orientalia et Classica*. Труды Института восточных культур и античности. Выпуск XXXII. История и культура традиционной Японии 3. – Москва : Наталис, 2010. – С. 455–467.

7. Февр Л. Бои за историю / Люсьен Февр ; [пер. с фр. А. А. Бобовича и др.]. – М. : Наука, 1991. – 632 с.
8. Фурс В. Н. Гумилев Л. Н. / В. Н. Фурс // Всемирная энциклопедия: Философия. – М. : АСТ ; Мн. : Харвест, Современный литератор, 2001. – С. 260.
9. Шекспир В. Как вам это понравится : [электронный ресурс] / Вильям Шекспир ; [пер. с англ. П. И. Вейнберга]. – СПб. : Кристалл, 2002. – Режим доступа : http://www.lib.ru/SHAKESPEARE/shks_how2.txt.
10. Шохов А. С. Структура ментального мира классической Греции : [электронный ресурс] / А. С. Шохов. – Библиотека Гумер, 2009. – Режим доступа : http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Schov/index.php.
11. Юнг К. Г. Синхроничность : [сборник] / Карл Густав Юнг ; [пер. с англ. под общ. ред. С. Л. Удовика]. – М. : Рефл-бук ; К. : Ваклер, 1997. – 320 с.
12. Hoffman M. Nonprofits in Japan help 'shut-ins' get out into the open : [electronic resources] / Michael Hoffman // The Japan Times. – Oct. 9, 2011. – Access mode : <http://www.japantimes.co.jp/news/2011/10/09/news/nonprofits-in-japan-help-shut-ins-get-out-into-the-open/#.VWiDqlKO7xI>.
13. Jezek K. Automatic Text Summarization : [electronic resources] / Karel Jezek, Josef Steinberger // Text-Mining Research Group. – Czech Republic : University of West Bohemia, 2016. – 12 p. – Access mode : <http://textmining.zcu.cz/publications/Z08.pdf>.
14. The World Factbook : [electronic resources]. – USA : CIA, 2016. – Access mode : <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/rankorder/2127rank.html?countryName=Russia&countryCode=rs®ionCode=cas&rank=197#rs>.

УДК 37.01

*Газнюк Л. М., Карпець Л. А.
Харківська державна академія фізичного виховання*

КОНСТРУЮВАННЯ ОСВІТНЬОЇ РЕАЛЬНОСТІ В ПРОЦЕСІ ПРОФЕСІЙНОГО СТАНОВЛЕННЯ

У рамках концепції соціального конструктивізму аналізуються особливості процесу конструювання освітньої реальності. Знання, закладені в процесі соціалізації, даються індивіду а priori, а соціальне знання, отримане шляхом комунікації, виходить зі здорового глузду, формується і підтримується за рахунок соціальних взаємодій. Показано, що ментальні конструкції та образ реальності створюються у результаті спільної діяльності людей і є продуктами комунікації. Соціальне знання про повсякденний світ є конструктом, який здається природним і очевидним, хоча він штучно створений, належить певній культурі або спільності. Виявлено розрив між фактичним станом професіоналізму і новими потребами суспільства. Зазначається, що набуття людиною автентичності в професії є дуже складним завданням педагогічного буття, воно будується на співвіднесенні наявних і здобутті нових ціннісних смислів, розвитку відповідних професійних нормативів.

Ключові слова: освітня реальність, соціальний конструктивізм, реіфікація, хабітуалізація, модернізація освіти, професійна свідомість, соціальний запас знань, об'єктивація знання.

В рамках концепции социального конструктивизма анализируются особенности процесса конструирования образовательной реальности. Знания, заложенные в процессе социализации, даются индивиду а priori, а социальное знание, полученное путем коммуникации, выходит из здравого смысла, формируется и поддерживается за счет социальных взаимодействий. Показано, что ментальные конструкции и образ реальности создаются в результате совместной деятельности людей, будучи продуктом коммуникации. Социальное знание о повседневном мире является конструктом, который кажется естественным и очевидным, хотя он создан искусственно и принадлежит определенной культуре или общности. Вывявлено разрыв между фактическим состоянием профессионализма и новыми потребностями общества. Отмечается, что обретение человеком подлинности в профессии является